

УДК 811.161.1'37

Ю. Н. Афонина

ОПРОЩЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Афонина Ю. М. Спрощення як результат історичної зміни семантичної структури слова.

У статті розглянуто спрощення в основах іменників сучасної російської мови, що спричинене змінами у семантичній структурі словотвірних основ.

Ключові слова: спрощення, семантичні зрушення, денотат, внутрішня форма слова, семантична структура слова.

Афонина Ю. Н. Опрощение как результат исторического изменения семантической структуры слова.

В статье рассматривается опрощение в основах имён существительных современного русского языка, связанное с изменениями в семантической структуре производящих основ.

Ключевые слова: опрощение, семантические сдвиги, денотат, внутренняя форма слова, семантическая структура слова.

Afonina J. N. The opacity as a result of a word semantic structure historical transformation.

The article illustrates opacity in nouns' stems of modern Russian language resulted in changes of productive stems semantic structure.

Key words: opacity, semantic shifts, denotation, inner form of a word, semantic structure of a word.

Ещё в конце XIX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ в «Программе чтения по общему курсу языковедения в применении к ариоевропейским языкам вообще, а к славянским в особенности» обратил внимание на вопросы изменения значения и морфемного состава слова [2], которые в дальнейшем разрабатывались лингвистической школы. В. А. Богородицкий впервые в русском языкознании определил основные типы изменения морфемного состава слова – опрощение и переразложение [1, с. 193–198]. Современная дериватология рассматривает в этом списке также усложнение, декорреляцию, диффузию, замещение морфем и афезу.

Процесс опрощения тесно связан с внутренней формой слова и, в особенности, с её утратой. А. А. Потебня говорил о внутренней форме, прежде всего, в отношении слов, у которых в ходе исторического развития морфемно-морфная структура претерпела изменения такого

рода, что ранее производная и членимая основа стала непродуцводной и нечленимой, то ест ь произошло опрощение. В настоящее время понятие «внутренняя форма слова» интерпретируется несколько иначе. Как правило, о внутренней форме говорят преимущественно в отношении производных слов, в связи с чем под «ближайшим этимологическим значением» понимают не только собственно этимологическое, но и словообразовательное значение слова. О. Е. Ольшанский отмечает, что у таких слов «забвение внутренней формы с точки зрения современного исследователя может быть немотивированным и мотивированным» [9, с. 25]. К словам с немотивированным забвением внутренней формы ученый относит дериваты с опрощенной структурой, у которых потеря первоначального признака не может быть в настоящее время объяснена, обоснована (*белуга, боярышник, лишай, калина, лютик, горлица, псец, простыня, рядом, щука*), а мотивированной утратой внутренней формы считает «забвение первоначального признака, положенного в основу названия: 1) в результате переноса названия с одного предмета на другой вследствие метафоризации (расширения смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств) и 2) метонимии (употребления названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними» [9, с. 28]: *конёк* (чаще мн.ч. *коньки*) от *конь*, *копейка* от *копейко* ← *копё*, *плечики* (вид вешалки) от *плечико* ← *плечо*.

Процесс опрощения, состоящий «в затемнении первоначальной семантической структуры слова вследствие стирания морфологических границ между его компонентами» [7, с. 349], возникает в результате причин, которые можно обобщить и разделить на три группы: лексические, семантические и фонетические. К лексическим относятся выпадение из языка производящей основы или её архаизация. С точки зрения диахронии древнерусское существительное *лошадь* – «домашнее животное, находящееся в упряжи или под седлом» – мотивировано заимствованной из тюркского языка производящей основой *лоша* (в тюркском *алаша* «лошадь, мерин», при заимствовании начальное *а* подверглось афезе). К XVI в. вместо заимствования *лоша* стало употребляться существительное *лошадь* в указанном значении. В современном русском языке забвение внутренней формы слова *лошадь* можно характеризовать как немотивированное, поскольку мотивирующая

основа *лоша* выпала из языка (ср. укр. *лоша*), а утративший продуктивность суффикс *-адь/-ьдь* стал субморфом. В процессе исторического развития произошла дальнейшая трансформация семантики слова *лошадь*: в результате метафорического переноса развилось значение: «2. Разг.-сниж. О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т. п.). *Я не лошадь работать за всех*» [3, с. 506].

Аналогичный процесс характеризует слово *морочить*. Так, существительное *морок* является стилистически обособленным с точки зрения современного языкового сознания, употребляясь в значениях: «Трад.-нар. 1. Мрак, мгла. 2. Что-л. одуряющее, помрачающее рассудок. *Морок нашёл*» [3, с. 557]. Его происхождение связывают с глаголами *меркнуть*, *мерцать* с последующим чередованием гласных [17, т. II, с. 657]. До XVIII в. слово употреблялось в значении: «Тот, кто предсказывает, вводя в заблуждение. *Ещё же к тому блудство и содомство обрѣтеть в нихъ; не освященни же помраченньх во учителя ставяху и слѣбья слѣбных на проповѣдь сляху, мороковъ и орачовъ и иныхъ бѣсодѣмонь*. Ефр. Отразит. Пис., 102. 1961 г.» [12, вып. 9, с. 266-267]. Это значение полностью утрачивается в XIX в.: существительное больше не употребляется в личном значении (возможно, потому что в этом же значении использовалось слово *морокун* [17, т. II, с. 658] с эксплицитной антропной семой), а становится синонимом слова *мрак*: «мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха; || марево, мгла, сухой туман; || облака, тучи; || маара, греза, обаяние || обморок, припадок, омрачение ума» [5, т. II, с. 294]. В результате утраты словом *морок* значения «тот, кто вводит в заблуждение» исторически производное от него *морочить* – «вводить в заблуждение; обманывать, дурачить» [3, с. 557] – связано с ним только формально, сохраняя 5-ю степень членимости благодаря выделению тематического гласного *-и-*.

Наиболее существенной причиной семантических сдвигов в слове являются семантические изменения в производящем многозначном слове, связанные с выходом из употребления мотивирующего значения при сохранении других его значений. И хотя производящее сохраняется в языке, оно имеет другие значения, которые не позволяют выявить внутреннюю форму бывших дериватов. Иными словами, архаизация одного из значений производящего, которое было мотивирующим,

может существенным образом влиять на общее состояние мотивированности в слове, приводя к разрыву смысловых отношений и к семантическим сдвигам. Такое соотношение характерно для многих слов, переживших утрату внутренней формы слова и не находящих смысловую опоры в актуальных сегодня значениях бывших производящих. Как результат, возникает опрощение. Например, слово *дворец*, образованное от существительного *двор*, не соотносится со своей производящей основой, мотивационные отношения между ними утрачены в результате череды семантических сдвигов в слове *двор*. Ядерным значением этого существительного до XVII в. было «усадебная, совокупность жилых и хозяйственных построек. Дом, дворец» [12, вып. 4, с. 189–191]. К XXI в. денотат слова сузился, а затем сменился, ядерным значением стало: «Участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий» [3, с. 242]. В слове *дворец* на протяжении многих веков доминирующей оставалась сема ‘здание’, поэтому связь с мотиватором *двор* утратилась – произошло опрощение основы.

Семантические преобразования подразделяются на собственно-семантические, семантико-лексические и семантико-деривационные. Собственно-семантические изменения связаны с утратой производным словом внутренней формы: Например, слово *невеста* было образовано от сочетания *не ведать*, т. е. первоначальное значение «неизвестная» [17, т. III, с. 54–55]. Тот же процесс произошёл в слове *невежа* [17, т. III, с. 54–55].

Существительное *зяблик*, предположительно, исторически образовано от глагола *зябнуть* через ступень *зяблый*. В основу наименования птицы было заложено то, «что *зяблик* появляется уже с первым таянием снега и улетает только с наступлением зимы» [17, т. II, с. 111]. Постепенно стала развиваться семантическая энтропия анализируемого слова: «пташка из певчих, *Fringilla coelebs*. || *Зяблица* – капуста, покинутая на гряде до морозов. || *Зяблик*, мерзляк, знобуша» [5, т. I, с. 619]. К XX в. в произошло сужение денотативной основы и слово стало моносемичным. В современном русском языке слово *зяблик* имеет значение «лесная певчая птица сем. вьюрковых, с красноватым по бокам оперением» [3, с. 372], т. е. мотивационный признак ‘холод’, эксплицированный в корне, утрачен. В то же время утрата внутренней формы мотивирована, субморф *ик* в языковом сознании соотносится с суффиксом *-ик*, поэтому, хотя основа слова опрощенная, слово имеет 4-ю степень членимости.

В современном русском языке слово *почка* употребляется в значениях: «1. Парный орган образования и выделения мочи у человека и животных. *Правая, левая почка. Воспаление почек. Блуждающая почка* (мед.; ненормально подвижная или смещённая с обычного места). *Искусственная почка*. (мед.; аппарат для временного замещения выделительной функции почек). 2. *только мн.* Этот орган некоторых животных как кушанье. *Телячьи, бараньи почки. Почки в томатном соусе. Солянка из почек*» [3, с. 949]. Слово *почка*, по одной из этимологических версий, исторически связано с глаголом *пеку* [17, т. III, с. 348]. В таком случае становится очевидным наличие семантических сдвигов, поскольку на современном этапе развития русского языка *почка* в значении «орган тела» семантически абсолютно не соотносится с глаголом *печь*. Недостаточная этимологическая ясность не позволяет осуществить полный анализ изменений в семантической структуре слова *почка*, поэтому можно лишь предположить алгоритм трансформации его значения: 1) альтернатива *e/o* в корне; 2) чередование согласного *к/ч* в корне; 3) утрата мотивированности производного слова, то есть утрата его внутренней формы; 4) изменение денотативной отнесенности; 5) семантический сдвиг. В результате изменений в семантической структуре слова *почка* его основа стала опрощенной.

О семантико-лексических изменениях говорят в том случае, если опрощение происходит в результате утраты словом коннотаций и, как следствие, лексикализации уменьшительно-ласкательной или эмоционально-оценочной формы, например, *золовка, каплица*.

Литературное слово *золовка* (в диалектах использовались также синонимы *золва, золовица* [см.: 17, т. II, с. 103]) употребляется в значении «Сестра мужа. *Старшая золовка. *Золовка хуже свекровки* (Посл.)» [3, с. 369]. О. Н. Трубачев отмечает, что «в современных славянских языках слово представлено далеко не полно. Так, почти все западные языки его забыли. Из восточнославянских оно сохранилось в русском языке лучше и шире, чем в украинском. Слав. *zъly* – старая *-й-*основа женского рода, как и *svekry*, расширявшаяся аналогичным способом: *zъльва*, далее – русск. *золовка*, ср. *свекрова*, сербск. *свекрва*, русск. диал. *свекровка*, с той лишь разницей, что для названия золовки нигде не сохранилась древняя форма наподобие русск. диал. *свекры*» [16, с. 136]. Слово *золва* (в украинском языке, кроме формы *золовка*, использовались также *зовиця, зоввиця*, [8, т. II, с. 273], «стсл. *zъльва*,

зълѡва; – псл. * *zly*, род.п. **zlyve*) имело не очень ясную внутреннюю форму, на что указывал А. Г. Преображенский [10, т. I, с. 255] и что аргументирует О. Н. Трубачев: «Слав. *zly* связано с родственными индоевропейскими словами, восходящими к форме **ǵēlōi-s*: греч. *γάλως*, лат. *glōs*, арм. *tal*, *calr* – все с хорошо сохранённым значением ‘золовка, сестра мужа’. Ср. также (глоссовое) фриг. *γέλαρος* ‘*ἀδελφοῦ γυνή*, т.е. ‘жена брата, невестка’. И.-е. **ǵēlōi-s* имеет этимологию, выдвинутую в своё время Асколи и принятую Вальде – Покорным, суть которой (по Асколи) сводится к тому, что лат. *glos*, греч. *γάλως* происходят от *γαλ*, *γελ* ‘веселиться’, ср. индийские термины *panāṅdr*, *pandini* < *pand* ‘веселиться’. Эта формально допустимая этимология в сущности недоказуема. Надёжные семантические аналогии, какие известны, например, для ряда случаев использования корней ‘вязать, связывать’ при обозначении родства, здесь отсутствуют. Без таких аналогий налицо остаётся только фактическое глубокое различие значений, почти совершенно обесценивающее фонетическое сходство» [16, с. 136]. При этом очевидно, что слово *золовка* является дериватом выпавшей из узуса формы *золова* (*золва*). В некоторых этимологических словарях прямо указывается на то, что оно образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* [18, с. 89; 84; 19, с. 100], который омонимичен суффиксу *-к-* со значением женскости [6, с. 238, 242], что способствовало восприятию слова не как гипокористического образования и лексикализации данной формы, то есть можно утверждать факт опрощения: в современном русском языке слово *золовка* нечленимо [13, т. 1, с. 382].

Слово *каплица* в современном русском языке относится к пассивной лексике. В «Словаре...» Д. Н. Ушакова оно фиксируется в значении «(рел., обл.). Небольшая часовня или божница, преим. у неправославных христиан» [14, т. 1, с. 1314]. В БАС, МАС и БТС это слово вообще не описано, а в толково-словообразовательном «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой определяется как «устар. 1. Часовня (обычно католическая или лютеранская)» [6, т. 1, с. 645]. Слово *каплица* вошло в русский язык через польский (польск. *kaplica*, *kapliczka*) [17, т. 2, с. 186], в котором было заимствованием из итальянского, а итальянское *capella* восходит к ср.-лат. *capella*, от *capere* – «вмещать, помещать» (ср. итал. *cappello* – «шляпа») [4, т. 4, с. 232–233]. Как отмечается в «Новом энциклопедическом словаре изобразительного искусства», капелла – «в средневековой

архитектуре Западной *Европы* – *небольшое* / выделено нами – Ю. А. / *сооружение* или помещение, церковный *придел*, предназначенный для частного *алтаря*, хранения *реликвий*» [там же]. Там же приводится характеристика каплицы, каплички: «в *архитектуре* Восточной *Европы* – *небольшая* / выделено нами – Ю. А. / *католическая часовня*, частная молельня, усыпальница (сравн. *костел*). Вначале такие каплицы посвящались особенно популярному в восточноевропейских странах Св. Мартину. Согласно легенде, святой отдал половину своего плаща нищему. Отсюда еще одна этимология: *kaplica* от франц. *capeline* – монашеский плащ с капюшоном, концы которого завязываются спереди под подбородком; франц. *cape* – «плащ, накидка» (стар.-русск. *каптырь*, *кафтырь*; см. *каптура*; *капуцин*)» [там же].

Очевидно, что в денотативной части значения слова *капелла* сема 'небольшой = маленький' занимала ядерное положение, стремясь к экспликации в морфемно-морфной структуре слова, что и обусловило появление деминутивной формы *kaplica* в польском языке, заимствованной русским языком. Утрата внутренней формы слова привела к опрошению его формальной структуры, суффикс *-иц-* вошел в корень. Однако размерно-оценочный компонент в семантике слова по-прежнему занимал ядерное положение, что способствовало вторичной деминутивизации, появлению производного *капличка*. С учётом того, что польский и русский – это языки славянской группы, для которых свойственны одинаковые деривационные процессы, а суффиксы *-иц-/иц-*, *-к-/к-* родственные и находятся в семантическом соответствии (синонимичные эквиваленты), то можно предположить, что дериват *капличка* мог быть как заимствованием, так и появиться на русской почве параллельно с польским *kapliczka*. Необходимо отметить расширение значения слова в разговорной русской речи на Западной Украине (под влиянием украинского языка), где и православные небольшие часовенки у дороги или в частных домах называются *каплицами*, *капличками*.

Семантико-деривационные преобразования являются результатом развития нового значения у деривата, образованного от ранее известного слова. Часто это существительные, мотивированные звукоподражанием: *квохтать*, *квочка*, *кечка*.

Причиной опрошения может стать также утрата аффиксом продуктивности.

Например, некоторые исследователи (М. Фасмер, Р. Мерингер, А. Мейе и другие) признают наличие утратившего продуктивность древнего префикса *к-*, который можно обнаружить в результате этимологического анализа в слове *кость* [17, т. II, с. 349]. Приставка, по-видимому, возникла из предлога *къ*, сросшегося с корнем, который восходит к лат. *ōs, ossis* «кость» [там же].

В слове *сустав* субморф *су-* – это утратившая продуктивность приставка при историческом корне, таком же, как в слове *стать* [17, т. III, с. 810].

Необходимо отметить, что продуктивность словообразующих аффиксов прямо зависит от возлагаемой на них смысловой (семантической) нагрузки. С исчезновением последней аффикс десемантизируется и становится субморфом, сливаясь с корнем, что меняет внешнюю форму слова и приводит к лексико-семантической транспозиции. Этот механизм общий для префиксов и суффиксов, например, в слове *старый* исторический корень *ст-/ста-* восходит к *стать*, а *р-* – это утративший продуктивность суффикс [13, т. II, с. 162–163].

Изменение семантических отношений между словами. Существительное *сердце* (в значении «центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости» [3, с. 1177]) исторически является однокоренным со словами *сердитый* (в значении «склонный сердиться, гневаться; раздражительный (о человеке и его характере)» [3, с. 1177]), *середина* (в значении «место, более или менее одинаково удалённое от краёв, концов чего-либо» [3, с. 1178]), *среда* (в значении «третий (после воскресенья) день недели, следующий за вторником (середина недели)») [3, с. 1255].

В праславянскую эпоху слово *сердце* связывалось со словами *сердитый*, *середина*, *среда* и т. д. на основании интегральной доминирующей семы 'центр' [См.: 17, т. III, с. 605–607]. Затем все эти слова были переосмыслены носителями языка и семантически отделились настолько, что это привело к изменению и их структуры: они перестали быть однокоренными. При этом в современном русском языке архисемами являются: у слова *сердитый* – 'чувственная сфера', *середина* – 'центр', *среда* – 'день недели', *сердце* – 'внутренний орган'. Однако на периферии семантической структуры семем слов *середина*, *среда*, *сердце* ещё представлена сема 'центр' (центр чего-либо, центр недели, центр организма), которая утрачена словом *сердитый*.

Первоначальная внутренняя форма слов *сердце*, *сердитый*, *среда* стёрта либо затемнена.

В семантической структуре этих слов произошли разные семантические процессы.

В словаре В. И. Даля отмечено, что *сердитый* – это «рассерженный, осерчавший, приведённый в гнев, в сердце, раздражённый; || злобный, гневливый, раздражительный, крутого, злого нрава. *Сердит, да бессилен, свинье брат*» [5, т. 4, с. 50]. В современном русском языке денотативный объём этого слова шире: «1. Склонный сердиться, гневаться; раздражительный (о человеке и его характере). *Сердитый старикан! Сердитый по своей натуре, природе. На сердитых воду возят.* 2. Сердящийся на кого-, что-либо, испытывающий гнев, раздражение. *Отчего такая сердитая сегодня? Сердит на весь белый свет.* || Выражающий гнев, раздражение; проникнутый или вызванный такими чувствами. 3. *Трад.-поэт.* Неистовый, грозный, зловещий (о явлениях природы). *Сердитые раскаты грома.* *Где выл, крутятся, *сердитый вал* (Лермонтов). 4. *Разг.* Проявляющийся с большой силой; резкий, крепкий. *Сердитый мороз, ветер. Сердитый хрен, табак. Ну и горчица! сердита, ей-богу сердита!* 5. Слишком высокий, недоступный (о цене). б. *обычно кратк.* на что или с инф. *Трад.-нар.* Усердный, старательный, ретивый. *А уж до работы сердит! И копать, и полоть сердита!*» [3, с. 1177].

Первоначальное значение слова *среда* – «точка (на черте), черта (на плоскости) или плоскость, мнимый разрез (в толще), обозначающий половину, равный раздел или близкое от этого место, удалённое от краёв. *Низвесииша его с одром на среду пред Иисуса.* || Нутро, внутренность, глубина, утроба, глубь, дальность от края. || Средина недели, день на её половине, считая с воскресенья. *В среду съедим, так в четверг поглядим. Не приходит Вознесение в среду, а в четверг. В Страстную среду обливают скотину снеговой водой.* || Поднятая (встарь) на одну ступень половина избы (комнаты), бабья и детская часть, а на нижней половине держали зимою скотину; ныне это устройство уже редко; вообще место перед печью, стряпная и вся куть, отделённая перегородкой или пересовом; гостинная часть избы...» [5, т. 4, с. 51]. В современном русском языке денотативный объём слова *среда* сузился до единственного значения «день недели».

Таким образом, примерно за последние 200 лет слово *сердитый* расширило денотативную основу, в слове *среда* произошла смена

денотата (было синонимично *середине* – сначала обозначало абстрактное понятие, а затем день недели). Из-за древнего происхождения корня *серд-* / *серед-* / *сред-* можно лишь предположить, что в семантической структуре слова *сердце* сема ‘центр организма’ была доминирующей.

В современном русском языке ядерная сема в семантической структуре слова *сердце*, как и слов *печень*, *желудок*, *почки*, *кишечник* и т. п. – ‘орган’. На основе этой архисемы перечисленный ряд слов объединяется в ЛСГ слов, обладающих общими интегральными, а не дифференциальными семантическими признаками. Кроме того, анализируемые лексические единицы входят в медицинскую теминосистему, а терминам свойственна тенденция к моносемичности, отсутствию экспрессии и т. д. [7, с. 508].

Изменение фонетического облика слова также может привести к опрощению его структуры, примером чего является проанализированное выше слово *притон*, а также целый ряд других слов. Так, слово *спичка* ещё в XIX в. воспринималось как уменьшительно-ласкательное от *спича* с суффиксом *-к-* [5, т. 4, с. 145]. Изменение фонетического облика слова может происходить и при распаде смысловых связей между словами. Например, при распаде смысловых отношений исторически однокоренных слов *степень* – *стопа* [17, т. 3, с. 766–767] семантика слов изменилась, когда изначально общая сема ‘шаг’ перестала быть доминирующей. На забвение внутренней формы повлияло фонетическое изменение в корне – чередование *е/о*). Фонетические изменения привели к опрощению основы слова *шея*, (изначально – «воротник»). Его мотиватором являлся глагол *ишть* [13, т. 4, с. 434–435]. В русском языке корневая гласная *и* сменилась на *е* (в украинском языке такого преобразования нет – *ишия*). В словаре В. И. Даля отмечено, что *шея* – это «связь головы с туловищем, часть тела промеж плеч и головы», а *ишия* – это церковнославянское устаревшее слово: «*Гривны золотые и мониста ишию горделивого воздвизают*», а также «*ишия церковная*, башенка или фонарик, на котором глава» [5, т. 4, с. 424]. Следовательно, фонетические изменения способствовали появлению в анализируемом слове семантического сдвига – смены денотата, где означающее ‘воротник’ сменилось на ‘часть тела’; а также опрощению основы, в которой суффикс сросся с корнем.

На опрощение основ оказывают влияние такие фонетические явления, как метатезы, эпентезы, протезы, дизрезы, энклитики, проклитики и др. В слове *конопля* наблюдается дистантная метатеза. По

одной из этимлогических версий, в прошлом слово было производным от *пень* и имело звуковой облик *колоння* [17, т. 2, с. 312]. Сравнение слов показывает, что третий и шестой звуки [л] и [н] поменялись местами: $k_1O_2L_3O_4n_5H_6Я_7 \rightarrow k_1O_2H_3O_4n_5L_6Я_7$. Более того, исторически *коло* являлось проклитикой, а затем произошло сращение основ. Метатеза и проклитика привели к затемнению внутренней формы слова и к семантическому сдвигу, поэтому основа слова стала опрошенной.

Как и метатезы, эпентезы возникают при освоении заимствований и в ненормированной речи (просторечии, диалектах, детской речи) [7, с. 593]. С точки зрения наличия семантических сдвигов и опрошения основ рассмотрим слово *встреча*, в котором А. А. Реформатский отмечает эпентезу *т* [11, с. 209–210]. Анализируемое слово восходит к древнерусскому *сретати*, от которого, в том числе, образовано *Сретение* – буквально «встреча» [17, т. 3, с. 740]. Очевидна смена денотата в последнем слове – ‘наименование по действию’ → ‘наименование праздника’. В современном русском языке наблюдается актуализация слова [15, с. 752]. Кроме того, *встреча* исторически является однокоренным со словом *обретение*, в котором тоже нет эпентезы *т*. Слова *встреча* и *сретение* до XIX в. были синонимами и входили в разные словообразовательные гнезда, со временем приставка *вс-* стала асемантической и срослась с корнем в результате семантического сдвига, который весьма затруднительно восстановить в наши дни.

Протеза – это достаточно часто встречающееся фонетическое явление, влияющее на изменение структуры слова. Так, очевидно, что слова *яблоко* и *яблоня* семантически связаны друг с другом и имеют общую историческую производящую основу **āblu-*, имплицитную с точки зрения современного языкового сознания [17, т. 4, с. 539]. В праславянскую эпоху фонетический облик лексемы *яблоко* был **ablъko*, а *яблоня* – **abolнь* («обнаруживает вторичный суффикс, присоединившийся к основе на *-l-*») → **abolнь* [17, т. 4, с. 539–540]. В результате протезы [j] фонетический облик анализируемых слов изменился: **ablъko* → **jablъko* → *яблоко*

**āblu-* → **abolнь* → **abolнь* → **jablonь* → *яблоня*

Собственно лингвистические изменения, произошедшие в словах *яблоко* и *яблоня*, – фонетические и морфологические – привели к утрате признака, положенного в основу номинации, что в свою очередь породило, как результат опрошения, две самостоятельные корневые морфемы *яблок-/яблон-* [см.: 13, т. 2, с. 432]. Наличие общих сем в этих лексемах не

позволяет считать их изолированными друг от друга, однако нет и морфологических оснований для их объединения, поскольку историческая производящая основа, а с ней и первичная внутренняя форма, утрачена.

Диэреза, или выкидка, – это фонетический процесс, имеющий чаще всего ассимилятивную основу, при котором фонемы стремятся уподобиться друг другу и слиться в один звук, например, диэреза мгновенных согласных [m], [d] между двумя длительными или же устранение тех же [m], [d] в группах *стк, здк, чт, чн* [11, с. 208–209]. Слово *мыло* в праславянский период содержало в своей основе звук *ǫ* – *мыдло*, поскольку было образовано от глагола *мыть* при помощи суффикса *-дл-* со значением ‘орудие’. Поскольку смычные звуки [d] и [l] имеют одно и то же место образования (переднеязычные, зубные), один звук выпадает – возникает диэреза. Сонорный [l] сохраняется, потому что делает слово благозвучным и удобным при артикуляции в отличие от взрывного шумного [d]. Рассматриваемый фонетический процесс повлиял не только на количественные, но и на качественные изменения суффикса – утратилась его смысловая нагрузка, которая привела к семантическому сдвигу всего слова, а затем к опрощению основы. В современном русском языке *мыло* – это не «орудие», а «продукт» [3, с. 566]. Данный фонетический процесс является нерегулярным, поскольку проявляется не во всех производных данного словообразовательного типа: в одних словах диэреза имеет место, как в *мыло* (ср. праслав. **mydlo*), *гусли* (ср. праслав. **gǫdslī*), *зеркало* (ср. чешск. *zrcadlo*), *крыло* (ср. праслав. **kridlo*), *сало* (ср. польск. *sadło*), *село* (ср. польск. *siadło*), число (ср. праслав. **čit-slo*), в других представлен промежуточный вариант изменений. Так в слове *горло* (ср. польск. *gardło*) при отсутствии семантических изменений в ядре констатируется наличие диэрезы, субморфа и опрощенной основы; в словах *быдло* (ср. польск. *bydło*) и *повидло* (ср. польск. *powidło*) диэрезы нет, но современная семантическая интерпретация слов не соответствует исходной, поэтому их основы опрощенные и содержат субморф *-дл-*; в основе слова *седло* (ср. праслав. **sedьlo*) есть субморф, но ни диэрезы, ни семантических сдвигов в ядре нет. Процесс исчезновения мгновенных [m] и [d] относится к древнейшим фонетическим изменениям дописьменной эпохи, поэтому «вместо сочетаний *тл, дл* в рукописях XI – XIV столетий последовательно употребляется *л*» [20, с. 81]. Звуки [m] и [d] в сочетаниях *тл, дл* исчезли не только в русском языке, но и в южнославянских языках, а в

западноруських мов, навпроти, збереглися, наприклад, в польській мові: *jedła* (ель), *mydło* (мило), *sadło* (сало), *modlitwa* (молитва), *gardło* (горло); в чеській *zrcadlo* (зеркало). Крім того, о те, що процес втрати приголосних [m] і [ð] в згаданих вище поєднаннях відбувся в дописемну епоху свідчить і той факт, що фонетичний вигляд *сало* (не *садло*) як запозичення з давньоруської мови зафіксовано «в одному з пам'яток армянської писемності, що належить до VII століття» [20, с. 82].

Слід підкреслити: лексико-семантична транспозиція завжди тягне за собою втрату внутрішньої форми слова, що пов'язано з зміною морфемно-морфної і словотвірної структури слова. В цьому принципове відміння лексико-семантичної транспозиції від лексико-семантичного способу словотвірення. Цей спосіб словотвірення, віднесений В. В. Виноградовим до діахронічного, займає проміжне місце між семантичною трансформацією і лексико-семантичною транспозицією. Він відбувається в розпаді багатозначності до омонимії. При утворенні слів цим способом може відбуватися опрощення основи, але тільки як наслідок переносу значення по одній з моделей семантичного зсуву. Наприклад, слово *зайчик* в значенні «сонячний промінь» змінив денотат в результаті схожості функції: тварина стрибає, і промінь стрибає. Ця трансформація значення привела до того, що лексикалізувалася зменшувально-ласкава форма, в якій диминутивно-гіпокористический суфікс десемантизувався, став субморфом. Лексико-семантична транспозиція відбувається тільки в похідних словах, що утворюються в результаті цього процесу незалежними і беручими участь в словотвірному процесі вже як мотивуючі генеративи з іншою семантикою. Вони «випадають» з словотвірної основи, в якій знаходилися до лексико-семантичної транспозиції, даючи початок новому словотвірному гнезду, наприклад: *близкий* (від нього *близость*) – *близнець*; *плем'я* – *плем'янин*; *худий* – *художество*, *художник*; *печь* (глагол) – *печень*, *почка*, *печаль*, *печать*; *муж* – *мужество*, *мужик*, *мужчина*; *жена* – *жениця*; *конец* – *конец*, *закон*; *ведать* – *ведьма*, *вежливий* (від нього *вежливость*), *невежда*; *родить* – *урод*, *народ*, *порода* і т. д. [20].

Література

1. Богородицький В. А. Очерки по мовознавству і російській мові : [зб. науч. трудов] / В. А. Богородицький. – [5-е изд., перераб.]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Об общих причинах языковых изменений / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I. – С. 78–87.
3. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : «Норинт», 2004. – 1536 с.
4. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 10-и т. / В. Г. Власов. – СПб. : Азбука-классика, 2004–2009. Т. I: А. – 680 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. И. Даль – М. : ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004.
6. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 1996. – 637 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Етимологічний словник української мови : у 7-и т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. – К. : Наук. думка, 1985. – Т. 2: Д – Копці / Укл. : Н. С. Родзевич та ін. – 1985. – 572 с.
9. Ольшанский О. Е. Очерки по историческому словообразованию : [учебное пособие] / О. Е. Ольшанский. – Славянск : СГПУ, 2003. – 52 с.
10. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1959. т. 1. – 679 с.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение : [учеб. для вуз.] / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 536 с.
12. Словарь русского языка XI – XVII вв. / [гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова / чл. редкол.]. – М. : Наука.
13. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2-х т. / А. Н. Тихонов : [3-е изд., испр. и доп.]. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003.
14. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. Д. Н. Ушакова]. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ, 1935. – 1562 с.
15. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; [под. ред. Г. Н. Складневской]. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.
16. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя : [монография] / О. Н. Трубачёв. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : КомКнига, 2006. – 240 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва]. – [4-е изд.]. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003.
18. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. школа, 1982. – 240 с.
19. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – [7-е изд., стереотип.]. – М. : Дрофа, 2004. – 398, [2] с.
20. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка [Текст] : [краткий очерк: пособие для пед. и учит. ин-тов] / П. Я. Черных. – М. : Учпедгиз, 1952. – 311 с.

Стаття надійшла до редакції 19.10.2012 р.